

Набоков В. В.

011101

Костюмчики для монстра

На русском языке вышли две биографии Владимира Набокова

Независимая газ. - 2001 - январь - с. 9.

Глеб Шульпяков

Алексей Зверев. В.В. Набоков. – М.: Молодая гвардия, серия «ЖЗЛ», 2001, 786 с. – ISBN 5-235-02431-1.

Брайан Бойд. Владимир Набоков. Русские годы: Биография. Пер. с англ. Г.Лапиной. – М.: Издательство «Независимая Газета»; СПб.: Симпозиум, 2001, 695 с. – ISBN 5-86712-074-0.

Свершилось – Набоков попал в серию «ЖЗЛ», учрежденную Горьким в 1933 году. Горького писатель, как известно, на дух не переносил, но судьба – индейка, и я уже вижу ту книжную полку, где в одинаковых серых мундирчиках будут стоять в затылок и Горький, и Чернышевский, и Шолохов, и – теперь вот – Набоков.

В общем, пошлее ситуации применительно к Набокову выдумать сложно.

Второй, долгожданный и многострадальный, том вышел в Издательстве «Независимая Газета» (совместно с «Симпозиумом»). Называется он «Русские годы» и является первым из двух томов обширнейшей биографии мастера, написанной на английском языке.

«ЖЗЛ» написал Алексей Зверев – знаток и ценитель зарубежной литературы. Автор нашего двухтомника – Брайан Бойд, крупнейший знаток творчества Набокова, первый и самый серьезный «жизнеописатель» мастера.

Полистаем?

Конечно, книга Зверева написана вкуснее... Взять хотя бы описание питерских улиц, их флера и электрической атмосферы, без чего Набокова, как ни крути, до конца все равно не поймешь. Поэтому в этой книге есть не только «разбор полетов», но и блеск утренней измороси, и туманы первых фона-

Глядя на берлинское метро, русский читатель сразу вспомнит о Набокове. И «Машеньке». С открытки начала XX века.

рей, и шум шелка, и много прочей бытовой упоительности из набора начала века.

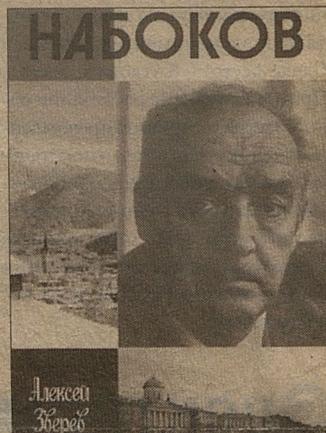
Что поделать! Автор «ЖЗЛа» – лицо заинтересованное, он пишет так, как будто «на его месте мог быть я», и он прав, поскольку судьба Набокова – это идеальный вариант для оплакивания собственной участи для каждого из нас. Поэтому автору простительны «безумная неосторожность влюбленных» и жаркие поцелуи юного Набокова с подружкой в темных зальчиках питерского синема.

Раз пишет – значит знает: так оно и было на самом деле.

Против Зверева Бойд выглядит ошкастым занудой, который триж-

ды расшаркивается в предисловиях, где без конца «выражает» и «оговаривает подробности».

Текст его переведен Галиной Лапиной – переведен скучновато, суховато, «с цветом лица, что на-

зывается, геморроидальным». Но если мы ищем не упоительные вечера и пыль Серебряного века, а подробности жизни, то тут Бойду нет равных, да и не может быть, поскольку у заокеанского Бойда «под рукой» были архивы университетов всего мира, а у нашего автора вряд ли был к таким документам доступ. В силу опять-таки географических данных.

Что еще?

Бойд пытается выудить из сознания своего героя всех этих гумбертов, кинботов, германов, найтов, мартынов – выудить и проверить на психологическую состоятельность. Алексей же Зверев более озабочен литературой,

в который раз выражая «восторг-восхищение» перед монстром мировой словесности.

В общем, если вам с Набоковым «серьезно и долго работать» – выбирайте Бойда: от него пахнет вечностью. Ну а если вы с Набоковым еще не слишком знакомы, возьмитесь за Зверева – здесь все ароматы эпохи. Он – как бы это сказать? – поможет вам попасть под влияние.

Что касается самого В.В., то тут как раз проще, ибо все его романы в конечном итоге варьируют одну и ту же тему – собственной биографии и судьбы. Это Бродский каждый раз отнекивался от «биографического фактора» в своем творчестве. Наоборот, в каждом сочинении Набоков, о чем бы он ни писал, пишет о своем жизненном пути: пытаюсь осмыслить в литературных формах собственную персону в контексте эпохи. Найти след судьбы. Зафиксировать его или замести. Ну и сложить на книжную полку.

Да что там говорить! Сугубо филологический труд по переводу «Евгения Онегина» он умудрился «подмять под себя», там и сям рассказывая о собственном детстве или раздавая затрещины литературным недоноскам советской эпохи.

Но судьба, повторяю, – индейка! И вот теперь замечательный писатель Владимир Владимирович Набоков – тот самый, что ловил бабочек, катался на авто, писал в альбом бездарные стихи (а потом взял и протаранил мировую литературу своим весом, как берлинский поезд), – получил под занавес партийный костюмчик и спокойно встал туда, к ним – на полку замечательных людей.

И поди теперь разбери: не об этом ли он мечтал? ■